

ПРОИЗВОЛУ ВОПРЕКИ

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ КРАСНЫЙ КРЕСТ И ЕГО ДЕЯТЕЛИ.

О деятельности московской группы Политического Красного Креста (МПКК), о ПОМПОЛИТе и о Екатерине Павловне Пешковой и ее помощниках опубликовано в последние годы немало личных воспоминаний, свидетельств, исследований и документов. Но вот о работе отделения политического Красного Креста в Петрограде-Ленинграде известно до обидного мало. Причина этого кроется, пожалуй, не только в уходе из жизни первых правозащитников — политкаторжан М. В. Новорусского, С. П. Швецова и А. В. Прибылева и даже не в особо масштабных репрессиях в годы "большого террора". Думается, что кроме неприятных для большевистской власти сведений о деятельности членов ленинградского отделения Политического Красного Креста, как и вообще о существовании политических арестантов, суть еще и в неприязненном, подозрительном отношении Сталина и его окружения к Петрограду-Ленинграду. И может быть, страх, память о бунтарских традициях питерских рабочих, о Кронштадтском восстании... Так или иначе, но материалы в Историческом архиве Санкт-Петербурга отсутствуют.

Колесо истории слишком часто тормозит на поворотах, засыпает песком забвения факты и судьбы людей. И образуется пустыня, в бесчисленных барханах которой нелегко бывает отыскать минувшее... Особенно, если не очень стараться его искать...

* * *

Первым председателем Политического Красного Креста в Петрограде был старый каторжанин-шлиссельбуржец Михаил Васильевич Новорусский. В 1924 году его сменил Сергей Порфирьевич Швецов, тоже народоволец, позднее — эсер. Оба они резко и нелюбезно протестовали против беззаконий, творимых в советской республике — не так они представляли себе политический строй, о котором мечтали и которого добивались ценой собственной свободы и жизни.

М. В. Новорусский родился в 1861 году в семье пономаря сельской церкви. Учиться поступил в столичную духовную академию. Состоял в Общественном Союзе и одновременно — в партии "Народная Воля". Вел пропаганду среди крестьянства, а в 1887 году вместе с Александром Ульяновым и другими принял участие в подготовке покушения на императора. Был арестован и приговорен к смертной казни, замененной вечной каторгой — бессрочным заключением в Шлиссельбургской крепости. Отсюда его освободила амнистия 1905 года. Уехав за границу, он смог завершить образование.

После Февральской революции Михаил Васильевич, являясь профессором естествознания, а позже директором Сельскохозяйственного музея, несмотря на преклонный возраст, вел весьма активную общественную жизнь. В 1918 году, именно благодаря его энергии, по специальному постановлению Петроградского совета был создан скульптором И. Я. Гинцбургом и установлен за крепостной стеной у Королевской башни памятник на месте захоронения политических узников, казненных в Шлиссельбурге, покончивших самоубийством или умерших в заточении. В начале 20-х годов М. В. Новорусский старался спасти жизнь митрополита Петроградского и Гдовского Вениамина (в миру — Василий Павлович Казанский), арестованного за то, что он якобы противодействовал изъятию церковных ценностей в пользу голодающих Поволжья. Михаил Васильевич пытался объяснить работникам ГПУ, что митрополит не только не противодействовал, а, наоборот, — с

готовностью отдавал имущество храмов за исключением только того, что необходимо для совершения церковных обрядов. Но хлопоты старого каторжанина не помогли — владыку Вениамина расстреляли в ночь с 15 на 16 августа 1922 года. Ныне он причислен к лику святых великомучеников. Одним из первых — еще в 1921 году, — М. В. Новорусский стал членом Общества бывших политкаторжан и в числе первых же подписывал протесты против незаконных арестов и ссылок. Он возглавлял Ленинградское отделение Политического Красного Креста, а позже ПОМПОЛИТа почти пять лет, и только тяжелая болезнь и смерть 20 сентября 1925 года оборвала его неутомимую деятельность.

Политический Красный Крест в Ленинграде действовал открыто и, вопреки многочисленным рогаткам на пути, — широко афишировал свою правозащитную работу. Так 29 октября 1929 года, как и ранее до того, в ответ на обращение — из Москвы сообщали, что «... по оказанию помощи политзаключенным в Ленинграде работает Сергей Порфирьевич Швецов. Принимает по адресу: ул. Чайковского, д. 24, кв. 19. Замещает его Гартман»¹.

С. П. Швецов родился в 1858 году в Курске, в многодетной семье мелкого чиновника, вынужденного подрабатывать в качестве чернорабочего на железной дороге. В середине 70-х годов Сергей Швецов приехал в Петербург и здесь примкнул к последователям учения Петра Лаврова. Посещал кружки "лавристов" в Нижегородской и Тверской губерниях, занимался распространением запрещенной литературы, участвовал в движении, получившем название "хождение в народ", которое в то время увлекало немало молодых интеллигентов. В 1876 году, когда он жил у своей сестры, его выследила полиция. Обыск ничего не дал, но все же пришлось перейти на нелегальное положение. Швецов уехал в Тифлис, но охранка настигла его и здесь — он был арестован и заключен в Метехский тюремный замок. Здесь произошел эпизод, о котором упомянул В. Г. Короленко в "Истории моего современника": посетивший молодого арестанта наместник Кавказа Великий князь Михаил Николаевич предложил ему свободу в обмен на откровенные показания. И в ответ услышал: «Извольте немедленно покинуть мою камеру!» Об этом вспоминал один из бывших политкаторжан на вечере, посвященном памяти С. П. Швецова². В заточении Сергей Швецов просидел около двух лет, пока его не перевели в Петербург, а затем в Череповец. Тут неожиданно повезло: режим в череповецкой тюрьме был нестрогий, и арестанта часто навещала местная молодежь. Он продолжал свою пропагандистскую работу и даже организовал кружок. Впрочем, вскоре такому своеволию пришел конец: в мае 1879 года Швецов осужден и отправлен по этапу в ссылку в Тобольскую губернию. В ссылке он, как член "Народной Воли", вел агитацию среди местных крестьян, организовал побеги политических узников и ссыльных. А, кроме того, увлеченно занимался краеведением, изучением нравов и обычаев жителей Западной Сибири и даже социологическими исследованиями. Его товарищ по ссылке К. Г. Рауш вспоминал о том, как Швецов собирал данные для своих изысканий: он ходил по избам или же подолгу стоял на проезжем тракте с записной книжкой и расспрашивал крестьян об их жизни, о составе семьи и заработках, интересовался их бытом. Эти сведения становились достоянием Томского Географического общества, появлялись на страницах газеты "Сибирская жизнь", постоянным корреспондентом которой он был³. О С.П. Швецове, как исследователе Западной Сибири и Алтайского края, писал профессор в то время Иркутского, а позже Ленинградского университета М.К. Азадовский. Он тоже выступал на вечере памяти Сергея Порфирьевича и огласил та-

¹ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 328. Л. 233.

² ГИА СПб. Ф. 506. Оп.1. Д. 249. Л. 15.

³ ГИА СПб. Ф. 506. Оп.1. Д. 249. Л. 7-8.

кие строки его письма, посланного из Москвы: «Моя статья о культурном значении политической ссылки (опубликована в журнале "Каторга и ссылка", № 3, 4 и 10, 11 за 1928 год) вызвала к себе гораздо больше внимание, чем я ожидал. Решено при Музее <революции> образовать особую секцию, которая должна специально заняться этим вопросом. Секция уже организована. Думаю, что дело пойдет»⁴. В личном архиве С. П. Швецова, бережно сохраненном его родственниками, есть немало интересных фотографий: среди них — группа ссыльных вместе с известным социалистом и ученым Дм. Клеменцом и якутами в национальных костюмах. Несколько снимков с В. Л. Перовским и фотография с младшей сестрой, сделанная в Нижнем Новгороде, куда Сергей Порфирьевич приезжал из Барнаула для встречи с В. Г. Короленко и Н. Ф. Анненским. Копии этих и многих других снимков находятся в архиве Петербургского музея политической истории.

Помимо социологических изысканий ссыльный народоволец не забывает и о делах совсем иного рода. Василий Львович Перовский, с которым он провел вместе несколько ссылочных лет, вспоминал, например, о том, как С. П. Швецов помогал устраивать освобождение из тюрьмы рабочего Фомина (Медведева), побег ссыльного Кожина и о многом другом⁵. В начале нового XIX века Сергей Порфирьевич, живя в Томске, вступил в партию социалистов-революционеров. После поражения первой русской революции он опять был вынужден скрываться. До 1914 года он часто менял адреса, действуя, как организатор и редактор подпольных изданий то в Петербурге, то в Новочеркасске, в Ростове-на-Дону, в Финляндии. Под чужой фамилией, как нелегал он также участвовал в 1-м и во 2-м съездах партии эсеров. Дважды его арестовывали, но за недоказанностью вины выпускали на свободу или снова отправляли в ссылку. После окончательного освобождения в Феврале 1917-го С. П. Швецов — в бурлящем Петрограде. Именно ему, народовольцу, а еще и благодаря его внушительной внешности и очень зычному голосу — было поручено открывать Учредительное Собрание.

В советское время Сергей Порфирьевич широко использовал опыт и знания, приобретенные в годы ссылки, — жизнь в сибирской глубинке определила его увлечение всем многообразием крестьянских проблем и делом кооперации, — он стал профессором Кооперативного института, созданного еще в 1917-м году (позднее переименован в Институт народного хозяйства). Его лекции по статистике были, несмотря на сухость предмета, интересны и увлекательны. Он много писал: его статьи, очерки и воспоминания часто появлялись в журнале "Каторга и ссылка". В 1925 году тиражом 25000 экземпляров в издании "Дешевой библиотеки" вышла его небольшая, но емкая книжка "Провокатор Окладский". В эти же годы С. П. Швецов являлся редактором и главным собирателем материалов для газеты, выходящей ежегодно 12 марта — в день выхода на свободу узников самодержавия, газета так и называлась "На волю". Как редактор и журналист он был достаточно смел, несмотря на то, что его и при советской власти арестовывали дважды — в 1923 году и в 1929-м. Тогда подвергли репрессиям почти всех, кто в прошлом принадлежал к партии эсеров — без всякой на то причины, так, на всякий случай, чтобы помнили, кому принадлежит власть. Поэтому не стоит удивляться тому, что ни в подробной стенограмме вечера памяти С. П. Швецова, ни в воспоминаниях о нем ничего не было сказано о его правозащитной деятельности, конечно, если не считать сообщения в ГПУ о том, что он принимал взносы в Обществе Красного Креста вместо М. В. Новорусского, находящегося на курорте. Господствующий в стране тоталитарный режим, как уже говорилось, просто не позволял упоминать о помощи политическим заключенным.

⁴ ГИА СПб. Ф. 506. Оп.1. Д. 249. Л. 2.

⁵ ГИА СПб. Ф. 506. Оп.1. Д. 249. Л. 5, 6.

Однако, надо сказать, что бывшие каторжане вовсе не были противниками советской власти, которую приняли как данность, как власть, рожденную народом, а воля народа была для них свята. Да и могло ли быть иначе? Не им ли, прошедшим царские каторжные тюрьмы, хранить чистую веру в здоровые силы и творческие возможности народа, даже несмотря на все жестокие нелепости большевистской диктатуры. Возможно, надеялись на то, что в конце концов все разумное и светлое возобладает. Конечно, они были наивными идеалистами, а о многом из того, что творилось в застенках ЧК-ГПУ-НКВД не только не знали, но даже и не догадывались... Если в чем они и проявляли строптивость, то в отношении к Февральской революции — именно ее, а вовсе не Октябрьский переворот бывшие узники считали главным событием истории страны, именно этот день отмечали как праздник. В 1928 году почти все материалы в газете "На волю" целиком были посвящены этой дате, а в статье В. И. Сухомлина прямо говорится о неправомерном «задвигании в тень» главной революции 1917 года, свергнувшей самодержавие. Это припомнили автору через десять лет — в дни "большого террора". Швецова к тому времени уже не будет в живых.

В конце 20-х годов Сергей Порфирьевич часто болел. Его одолевали, судя по медицинской справке, «приступы грудной жабы, связанные с миокардитом и общим склерозом коронарных сосудов»⁶. На состояние его могучего здоровья повлияла, по всей вероятности, нелепая история с обвинением в "подаванчестве" — в Правление Общества из Историко-революционного архива поступила справка (то ли по злему умыслу, то ли в результате путаницы) о том, что в юности С. П. Швецов, находясь в тюрьме, якобы подавал прошение о помиловании на Высочайшее имя. Такое старые каторжане не прощали, и встал вопрос об исключении его из Общества. Понадобилось возмущенное послание большой группы товарищей-народовольцев с опровержением и личное заявление А. В. Прибылева, который всё проверил и установил, что просьба о помиловании написана вовсе не Швецовым, поэтому надо прекратить "шельмование" и немедленно восстановить ветерана в Обществе⁷.

Эта неприятность больно ударила по сердцу — старик слег. И если еще год назад он лично посылал запросы и ходатайства в Москву, то теперь его часто заменяет опытный юрист, человек большой доброты и высокой нравственности Владимир Паулинович Гартман. Просьбы о помощи по-прежнему еще приходят на адрес старого народовольца, он читает их, подписывает ходатайства и обращения, ждет ответа на запросы, к примеру, о Моисее Соломоновиче Фельдмане-Фалевиче и о Николае Павловиче Анциферове, но как раз на этих документах имеется приписка В. П. Гартмана: «Он болен»⁸. О том же — письмо самого Сергея Порфирьевича из Детского Села (ныне — город Пушкин) из Дома отдыха ветеранов революции. Правда, он пишет не столько о себе лично, сколько о бедственном положении Политического Красного Креста в Ленинграде: «Живем мы плохо, едва дышим: ни денег, ничего у нас нет, и все наши хлопоты, если только можно назвать хождения Вл<адимира> П<аулиновича> на Гороховую (там в те годы помещалось Управление ГПУ) этим именем, ни к чему не приводят. Тяжело и грустно, Я лично совершенно отбилсЯ от этих дел и вряд ли буду иметь возможность, возвратиться к ним и в будущем: я очень болен вот уже второй месяц. В самом начале мая у меня был первичный удар, уложивший меня в постель. Нахожусь в Детском Селе в Доме отдыха ветеранов революции»⁹.

⁶ ГИА СПб. Ф. 506. Оп. 2. Д. 515. Л. 25.

⁷ ГИА СПб. Ф. 506. Оп. 2. Д. 515. Л. 18, 18-об, 22.

⁸ ГАРФ. Ф. 8409. Оп.1. Д. 359. Л. 198.

⁹ ГАРФ. Ф. 8409. Оп.1. Д. 400. Л. 106 -107, 107об.

Примерно о том же В. П. Гартман писал еще в 1923 году Е. П. Пешковой: «Если бы Екатерина Павловна могла вдохнуть жизнь в заснувший Питер... Очень бы хотелось еще поработать в Кресте. Москва в этом отношении счастливее, она имеет Вас, а у нас, бедных провинциалов, нет Вас, и ходим мы неприкаянные...»¹⁰. В перечне обращений С. П. Швецова в ПОМПОЛИТ Москвы во второй половине 20-х годов подпись В. П. Гартмана фигурирует все чаще и чаще. Именно он и ведет в это время основную работу по Ленинградской группе. На письме с документами, адресованном Вере Антоновне Перес и Михаилу Львовичу Винаверу по делу арестованного 27 июля 1929 года В. Л. Рейлах-Рида, есть такая приписка: «Сергей Порфирьевич Швецов все болен и даже очень. 4 месяца болезнь <...> не спускает его с кровати. Бедный наш дедушка совсем замучался...»¹¹. Это письмо еще подписано С. П. Швецовым, но составлено оно В. П. Гартманом.

В конце 20-х годов изменяющаяся к худшему политическая обстановка в советской стране ощущается во все более зловещих формах и размерах. Что касается бывших политкаторжан, то среди них заметно возрастает роль доселе многочисленной группы членов ВКП (б). Тогда же был принят в члены Общества не состоящий в нем ранее И. В. Сталин. В тезисах декабрьского 1929 года Пленума Центрального совета Общества так прямо и говорится о том, что надобно «придать всем своим выступлениям, во всех видах и направлениях деятельности выдержанный классовый характер, марксистски освещая опыт прошлого»¹². Давление партии и власти особенно сковывало научно-исследовательскую работу членов Общества и в частности — его Домарксистской секции, в которую входили почти все активисты Красного Креста. Однако старики проявили свою волю и не ввели в ее состав историков-марксистов, что, безусловно, не понравилось ортодоксам из ВКП (б). Председатель этой секции А. В. Прибылев на конференции в ноябре 1933 года говорил о том, что исследователей-политкаторжан не следует «тормозить и запугивать новыми порядками»¹³. А секретарь секции по изучению революции 1905-го года А. М. Остроумов выразился еще определеннее: «Люди боятся сказать об эсерах то, что знают, то, что видели, боятся сказать те факты, которые известны»¹⁴.

Гнетущая обстановка по-своему отразилась и на деятельности ПОМПОЛИТа. 21 января 1930 года помощник Е. П. Пешковой Михаил Львович Винавер писал Екатерине Дмитриевне Кусковой в Прагу, что работы «меньше, чем раньше, но может скоро совсем окончиться из-за отсутствия материальных средств. Недавно закрылось наше отделение в Питере, т<ак> к<ак> нечем было платить за квартиру; в Москве хуже худшего»¹⁵. Но тем не менее Ленинградское отделение ПОМПОЛИТа продолжает действовать. После смерти С. П. Швецова в 1930 году дела ведет В. П. Гартман. Он принимает посетителей по своему домашнему адресу — в Лесном: Старопарголовский проспект, дом 47/2, кв. 16.

Среди его многочисленных обращений в Москву к Е. П. Пешковой есть весьма примечательные; не менее примечательны также и ответы. Они ярко характеризуют постепенно, но угрожающе меняющееся время. Если в 1929 году еще возможно было хлопотать: например, о переводе болезненной ссыльной женщины в южные районы Сибири; или о свидании матери с сыном, арестованным по делу оппозиции; или о смягчении наказания больному туберкулезом инвалиду, «арест

¹⁰ ГАРФ. Ф. 8409. Оп.1. Д. 43. Л. 3, 3-об.

¹¹ ГАРФ. Ф. 8409. Оп.1. Д. 26. Л. 178-181, 183-199, 208.

¹² ЦГА СПб. Ф. 506. Оп. 1. Д. 219. Л. 1.

¹³ ЦГА СПб. Ф. 506. Оп. 1. Д. 453. Л. 9-б.

¹⁴ ЦГА СПб. Ф. 506. Оп. 1. Л. 9-б.

¹⁵ Сборник «Наш с Вами спор решит жизнь». С. 103.

которого есть чистая случайность»¹⁶. Позднее мы видим уже иные обращения и иные на них ответы: к примеру, что «Следствие (по делу В. Л. Рейлах-Рида, о котором говорилось выше) закончится не скоро. О решении осведомим»¹⁷. Или еще короче — в связи с тем, что заявление с просьбой о разрешении свидания с арестованным теперь пересылается обратно просителю, ответ повторяет официальную резолюцию: «Выдача разрешений на свидания в лагерях прекращена».

О Владимире Паулиновиче Гартмане, к сожалению, известно немного. Он родился в Новом Петергофе в 1883 году в семье военного чиновника, который по Табели о рангах имел невысокий чин титулярного советника. Его дедом был обедневший немецкий дворянин из Варшавы. Сам Владимир Гартман считал себя по национальной принадлежности русским. После окончания юридического факультета Петербургского университета он стал помощником присяжного поверенного Гуревича. После революции в 1919-20 годах В. П. Гартман служил в Красной армии в должности письмоводителя участка военного строительства. Ни к каким политическим партиям никогда не принадлежал. После гражданской войны, точнее — после завершения военного конфликта страны Советов с Польшей, он в течение года работал как юрисконсульт в Представительстве Польского Красногo Креста — занимался реэвакуацией на родину военнопленных поляков и гражданских лиц, оказавшихся после войны на советской территории, защищал их интересы. Одно время (судя по материалам НКВД) возглавлял в Петрограде это Представительство, которое тогда выполняло функции консульства.

Отсюда, вероятно, и проистекает вся дальнейшая правозащитная деятельность Владимира Паулиновича в Ленинградском отделении ПОМПОЛИТа. Как юрисконсульт Книжной лавки писателей (бюро обслуживания Ленинградского отдела Литфонда) и большой книголюб, Гартман был тесно связан с широким кругом питерской интеллигенции. Среди его сравнительно ранних, 1927 года писем-обращений к Екатерине Павловне Пешковой есть и касающееся судьбы литератора Г. Зотова-Котова, который в свое время печатался в журнале "Русский современник". Теперь же его (судя по обращению) преследуют за неосторожное письмо, адресованное уехавшему за границу Е. И. Замятину. «Из письма Вы поймете, — писал В. П. Гартман, — где он и что ему грозит. Нельзя ли что-либо сделать, чтобы спасти его от участи, его ожидающей? Он человек талантливый и молодой. Было бы чрезвычайно трагично, если бы непоправимое свершилось»¹⁸.

Еще более трагична переписка В. П. Гартмана с Москвой по поводу беспрецедентного ареста группы ленинградских школьников в 1929 году. На этом деле стоит остановиться подробнее, ибо тут, как нигде, становится очевидным наступающий на судьбы, души и жизни людские государственный произвол, тот беспредел, который через несколько лет широко расплеснется по стране "большим террором". «Многоуважаемый Михаил Львович, — писал Гартман в ПОМПОЛИТ М. Л. Винаверу. — В начале сентября месяца была арестована группа учащихся школ 2-й ступени в числе шести человек. Всем были предъявлены статьи 58-10 и 58-11. В декабре родственникам этих детей, ибо старшему только что исполнилось 16 лет, объявлен был приговор — 2 года заключения в Соловках. Инкриминируемое им преступление по признакам вышеуказанных статей относится к 1927 году, т<о> е<сть> к периоду времени, когда каждому из них было от 12 до 13 лет. Итак, пять мальчиков получили Соловки, а шестой, Амос Исаакович Рабинович, ученик 15 школы 9-й группы, коему только в ноябре месяце исполнилось всего 15 лет, приговорен по заявлению в прокуратуру к помещению в колонию малолетних

¹⁶ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 400. Л. 125 и др.

¹⁷ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 400. Л. 125.

¹⁸ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 167. Л. 85.

преступников. Факт совершенно невероятный, ибо помещение морально здорового мальчика в среду преступно-дефективных подростков знаменует собой моральную гибель не успевшего еще сложиться ребенка. По-видимому, тут произошла ошибка, требующая срочного исправления, ибо мальчик до последней степени нравственно угнетен и в состоянии проделать то, что пытался сделать его товарищ по заключению — вынужденный во-время из петли. Просьбы <слово нрзб> остались без результата. Добивайтесь отмены приговора или замены хотя бы теми же Соловками. Обязательно ответьте срочно!»¹⁹ И вот телеграфный, жуткий в своей безысходной краткости ответ Гартману из Москвы 19 декабря 1929 года: «Пересмотре дела молодежи отказывают. Пешкова»²⁰. Что такого ужасно антисоветского могли натворить эти подростки? Какую угрозу большевистскому государству они собою представляли?..

Сведения о В. П. Гартмане взяты из материалов Следственного дела, заведенного после его ареста 15 августа 1937 года²¹. Читать это дело так же больно, как и всякое иное, подобное ему. В начале арестованный (а в протоколе допроса уже заранее стоит — "обвиняемый") категорически отрицает свое участие в антисоветской деятельности: «Я заявляю, что к антисоветской организации я не принадлежал никогда». На что следователь тут же возражает: «Вы скрываете свою преступную деятельность! Отвечайте правдиво!» После этого, вероятно, следует так называемое "физическое воздействие", которое очень мало кто мог выдержать. Несчастный пытаемый человек вынужден признать, что действительно был еще в 1920 году вовлечен в шпионскую группу «"ПОВ" — Польша Организация Войскова» и, занимаясь подрывной деятельностью, готовил кадры из бывших польских военнопленных для вредительства на предприятиях оборонной промышленности Советского Союза в случае войны с панской Польшей. Даже перемену места жительства следователь НКВД поставил В. П. Гартману в вину: мол, на Старопарголовском проспекте он держал явочную квартиру для польских шпионов. Абсурдность обвинения очевидна. Тем не менее, Гартмана заставили признать, что ему было поручено использовать поляков, обращающихся за помощью в Красный Крест, для вербовки их в "ПОВ". При этом вместо доказательства был приплетен допрос арестованного месяцем раньше политкаторжанина и поляка по национальности Иосифа Станиславовича Гниха, который якобы и рекомендовал Гартмана в Представительство Красного Креста. Надо ли повторять, что все это — чистой воды выдумка: И. С. Гних, бывший бессрочный заключенный Шлиссельбургской крепости, член ВКП (б), никогда ничего подобного не совершал. И он и В. П. Гартман были расстреляны в сентябре 1937 года.

Возвращаясь к делам Ленинградского отделения ПОМПОЛИТа, скажем о том, что у Владимира Паулиновича Гартмана были хорошие помощники. Рядом с ним активно работал Александр Васильевич Прибылев, народоволец и старый политкаторжанин. О нем будет рассказано ниже. Были и другие, среди них — жена профессора Политехнического и Электротехнического институтов Надежда Николаевна Шапошникова. Ее сын Андрей Шапошников, отбыв три года на Соловках, получил затем ссылку на Урал. Во всем помогала в ПОМПОЛИТе Мария Борисовна Тахчогло. Она состояла еще в Президиуме политического Красного Креста, когда его возглавлял М. В. Новорусский, работала и до революции в организации помощи политическим ссыльным, а после — была в Комитете помощи амнистированным. В 1929 году она настойчиво добивается освобождения или хотя

¹⁹ Там же. Д. 400. Л. 112,112об,113.

²⁰ Там же. Л. 111.

²¹ Архив Центра «Возвращенные имена» при РНБ, С-Петербург. См. так же «Ленинградский мартиролог - книги памяти жертв политических репрессий» СПб, 1995. Т. 1. С. 170.

бы облегчения участи несправедливо арестованного инженера Евграфа Дмитриевича Пискорского²².

Что же касается А. В. Прибылева, то у него был большой опыт еще с прежних, дореволюционных времен, еще даже до того, как он стал выполнять важные поручения "Народной Воли". Позже — он и его жена Раиса Гросман стали "хозяевами" подпольной динамитной мастерской на Васильевском острове. Именно здесь член Исполнительного комитета Михаил Грачевский наладил изготовление бомб, нацеленных на умного, хитрого и жестокого главного петербургского жандарма Судейкина. Но покушение не удалось. За террористами была установлена слежка еще со дня приезда Грачевского в Петербург. Подозрения были: их высказывала Анна Павловна Корба, тоже член Исполнительного комитета, замечал неладное и новичок Александр Прибылев. Однако нервный и доведенный до отчаяния последними арестами товарищей Михаил Грачевский потерял бдительность. В результате — подготовленная Судейкиным ловушка захлопнулась: "василеостровские хозяева", как прозвали Прибылевых жандармы, были взяты с поличным. Вместе с ними за решетку отправили и других обитателей динамитной мастерской — П. С. Ивановскую и Михаила Клименко. В тот же вечер были схвачены Михаил Грачевский, Анна Павловна Корба и член военной организации «Народной Воли» Буцевич.

Вскоре прошла серия арестов в Москве: здесь была разгромлена созданная Ю. Н. Богдановичем группа Политического Креста, которая устраивала побеги из ссылок и каторжных тюрем и вела так называемую "небесную канцелярию", то есть занималась изготовлением паспортов и других документов для нелегалов. Верный помощник Богдановича Иван Васильевич Калюжный, застигнутый жандармами перед входом в квартиру, яростно сопротивлялся им, дав этим возможность своей жене и соратнице Надежде Смирницкой уничтожить в квартире документы и тайные списки. Эта группа из семнадцати народовольцев предстала перед судом в 1883 году. Михаил Грачевский, считая себя виновным в провале, отказался от защиты, взяв всю вину на себя одного и этим спас Александра Прибылева от неминуемой казни, которую заменили 20-летней каторгой. Михаил Грачевский, Юрий Богданович, Михаил Клименко погибли в шлиссельбургском заточении. Приговором военного суда был казнен офицер флота Буцевич. Трагичной была судьба двух других участников процесса 17-ти, деятелей Политического Креста Ивана Васильевича Калюжного и его жены Надежды Семионовны Смирницкой: в 1889 году, протестуя против применения к политическим арестантам телесных наказаний на Карийской каторге, они приняли яд и ушли из жизни, а вместе с ними и младшая сестра Калюжного Маруся. Об этом А. В. Прибылев напишет к пятидесятилетию "Народной Воли". Память о погибших товарищах вдохновляла его и на помощь политическим заключенным в советской стране.

Женившись после отбытия каторги на своей сопроцесснице А. П. Корба и удочерив Асю — осиротевшую девочку умершей в Благовещенске ссыльной, Александр Васильевич в начале 900-х годов вступил в партию эсеров, активно действовал на юге России, был арестован и сослан в Енисейскую губернию. Из ссылки бежал за границу. Имея диплом врача-ветеринара и большую медицинскую практику на каторге, он увлекся бактериологией и до Февральской революции работал в частном бактериологическом институте. В 1917 году исполнял в Министерстве земледелия Временного правительства обязанности управляющего канцелярией. Из партии эсеров А. В. Прибылев вышел сразу же после Октябрьского переворота, оставив за собой правозащитную деятельность. О ней-то и надо говорить, потому что именно в этой деятельности сумел он, бывший политка-

²² ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д.385. Л. 236-244.

торжанин, проявить свой гуманизм и настойчивость в борьбе за права личности на собственное мнение, на более или менее независимое существование. Нельзя, конечно, утверждать, что Александр Васильевич был так уж безрассудно смел, как наши нынешние правозащитники, но ведь в какую эпоху довелось действовать ему?.. Как умный и опытный человек он понимал — с какой властью имеет дело. Не поэтому ли его обращения в защиту преследуемых советским режимом носят отпечаток определенной осторожности, выдержки, дипломатичной недоговоренности? Хотя суть от этого не меняется ничуть.

13 марта 1926 года А. В. Прибылев был озабочен судьбой хорошо знакомого ему молодого человека, который угодил сперва на Соловки по совершенно невинной причине, а затем его вместе с уголовниками увезли в Тобольск. «Там он серьезно заболел, — писал Прибылев в своем ходатайстве, — болел долго и так и не поправился. В опалу попала и его молоденькая жена. В Ленинграде осталась лишь мать, которой и стало известно о его болезни»²³. В сентябре 1927 года Александр Васильевич обратился ПОМПОЛИТ к М. Л. Винаверу с просьбой посодействовать гр<ажданке>же Звягинцевой-Оболенской в получении свидания с мужем Николаем Николаевичем Оболенским. Это случай особый: Н. Н. Оболенский, будучи с 1918 года командиром Красной армии, честно служил советской власти. Ходатайствуя всего лишь о свидании его с женой, Прибылев выражал свое недоумение и вообще, расценивал его арест и все последовавшее только как акт недоверия бывшему офицеру царской армии²⁴.

9 сентября того же 1927 года А. В. Прибылев послал на имя Е. П. Пешковой, с которой, судя по тону его посланий, был хорошо знаком, ходатайство, касающееся сосланного на Соловки священника отца Михаила. Он стар и болен и к нему хочет поехать его дочь Ольга. И Александр Васильевич хлопочет о выдаче ей на это разрешения²⁵. Характерно письмо, отправленное А. В. Прибылевым в ПОМПОЛИТ 25 октября 1930 года: «Настоящим удостоверяю, что сестры Кикоин Ольга, Мария и Надежда, служа в свое время кассирами у Эйнема в период 1905-1906 г<одов>, оказывали действительную и постоянную помощь членам Союза революционеров, устраивая у себя явки, передачи, ночевки и хранение разных партийных принадлежностей. Всех этих сестер хорошо знали все представители областного и местного комитетов в Москве и всегда могли рассчитывать на их бескорыстную помощь». И подпись: «А. Прибылев, член Общества политкаторжан, бывший народоволец»²⁶. Вероятнее всего, это письмо Александра Васильевича очень помогло трем сестрам жить нормально в непростых условиях советской действительности.

В феврале-марте 1931 года старый политкаторжанин серьезно обеспокоен судьбой литератора и научного работника Александра Александровича Гизетти. Его А. В. Прибылев мог знать еще в дореволюционное время — с 1907 года А. А. Гизетти был членом партии эсеров. В советское время он не раз выступал с интересными историко-литературными сообщениями перед бывшими политкаторжанами. В 1924 году Гизетти читал лекции в сообществе "Вольфила" и, вероятно, позволил себе не вполне понравившиеся большевистской власти высказывания, потому что в том же году его арестовывают и недолго содержат в ДПЗ. В 1929, а потом и в 1930 годах его снова арестовывают и приговаривают к трем годам ссылки в Среднюю Азию. Он живет в Коканде, затем в Ташкенте, где и продолжает научную работу, как сотрудник Академии наук СССР. Забегая вперед, скажем, что его еще не раз арестовывали. В Ярославский политизолятор он был помещен

²³ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 134. Л. 194-196.

²⁴ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 169. Л. 102-106.

²⁵ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 170. Л. 26, 26об.

²⁶ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 686. Л. 90.

в 1933 году, после освобождения жил в Куйбышеве. Но в 1938 году — опять заключен под стражу, вывезен в Москву и содержался до 17 июня 1939 года в Таганской тюрьме. О дальнейшей его судьбе еще предстоит узнать. А в 1931 году А. В. Прибылев отправил в Москву вместе со своим ходатайством и письмо жены А. А. Гизетти, достаточно наивное даже по тем не самым зловещим временам. Она просит... отпустить мужа из-под ареста на несколько дней «для приведения в порядок его литературных дел». Надо думать, что ее просьба не была удовлетворена. Предвидя такой исход, Александр Васильевич добавляет от себя нечто более реальное, соответствующее советской действительности: «Вот уже месяц, как его увезли, а семья ничего о нем не знает, здоров ли он? И где он? Необходимо ему послать передачу»²⁷.

Среди многочисленных обращений, отправленных А. В. Прибылевым в ПОМПОЛИТ, есть и касающиеся его близких. В одном из своих посланий Екатерине Павловне Пешковой он сообщил, что его дочь Ася каким-то непонятным образом оказалась замешана (вероятно, через знакомых студентов) в политическое дело. Правда, к тому времени, когда писалось письмо, Асю уже отпустили в Уфимскую область на лечение кумысом. Но Александр Васильевич опасался, что все может возобновиться. «Как будто дело обстоит благополучно, — писал он, — но Владимир Паулинович узнал о том, что Вы наводили справки этого дела. Предполагаем, что там, на месте могут вмешаться и, как это часто бывает, превысить власть. Извините за такую нашу доuku, но, если нужно, сделайте что-нибудь, ведь Вам известны такие истории, а наша дурочка Ася попала в политические...». В этом же письме А. В. Прибылев беспокоился о судьбе кооператора А. Г. Штанге, который являлся родственником Анны Павловны <Прибылевой-Корба>. «Этот молодой человек Дмитрий Александрович Штанге честно работал в НКПе, неизвестно за что арестован и сидит в Бутырской тюрьме»²⁸. Гораздо позже, в 1935 году Александр Васильевич просил разобраться с делом своей племянницы Лидии Адольфовны Жаровой, также «неизвестно за что арестованной»²⁹.

В конце 1936 года пришли арестовывать Александра Васильевича Прибылева. Старик был уже тяжело болен и не вставал с постели. Его жена, 90-летняя Анна Павловна Прибылева-Корба, тоже бывшая каторжанка, легла на пол у входной двери и сказала тому, кто предъявил ей ордер на арест мужа: «Только через мой труп!» Командир не выдержал, ушел и увел конвой. Остался ли впоследствии он сам в живых — Бог весть... А. В. Прибылев умер через две недели после этого, жена его пережила мужа на три года.

Светлому ручейку человеческого участия в лице организации Е. П. Пешковой суждено было иссякнуть с наступлением "большого террора", а перед этим — в июне 1935 года было ликвидировано Всесоюзное общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев, а заодно и Общество старых большевиков. В Ленинграде был закрыт и разорен Музей революции. Начались аресты тех, что были не только свидетелями, но и участниками борьбы с самодержавием. Разве могла бы при их жизни создаваться та беззастенчивая историческая ложь, которую вдалбливали в мозги не одному поколению советских людей. А свидетели, как при совершении любого уголовного преступления, мешали — потому и подлежали уничтожению. Ленинградская группа Политического Красного Креста все же продолжала почти нелегально функционировать, не теряя связи с ПОМПОЛИТОМ в Москве.

²⁷ Там же. Д.565. Л. 81,87об., 88.

²⁸ Там же. Д. 292. Л. 170, 170об.

²⁹ Там же. Д. 1375. Л. 153-156.

Так было вплоть до ареста Владимира Паулиновича Гартмана — до 15 августа 1937 года. Заодно репрессировали ни в чем не замешанную его жену, умершую затем в концлагере. Комиссия НКВД и прокуратура СССР приговорила В. П. Гартмана по статьям 58-6 и 58-11 УК РСФСР к высшей мере наказания — расстрелу.

Можно считать благом более раннюю смерть руководителей Ленинградской группы ПОМПОЛИТа, старых политкаторжан М. В. Новорусского, С. П. Швецова и А. В. Прибылева. Впрочем, Александра Васильевича пришли арестовывать снова в 1938-м, через два года после его кончины, так как в Следственном деле о мифическом эсеровском заговоре он считался главным заговорщиком.

У ворот дома № 1, что расположен в Петербурге на Троицкой площади, напротив сквера с Соловецким камнем — памятником жертвам репрессий, установлена в начале 90-х годов минувшего века мемориальная доска. На фоне сломанной ветви там выгравированы пятьдесят четыре фамилии расстрелянных членов Ленинградского отделения Общества бывших политкаторжан. В этом Доме — из ста сорока двух квартир лишь двенадцать остались незатронутыми арестами. А сколько членов семей было арестовано, отправлено в тюрьмы, в концлагеря и ссылки. Заступить за них, помочь им или хоть весточку о них подать было уже невозможно. ПОМПОЛИТ не существовал. Тоталитарная власть очень старалась стереть и саму память о нем. Не потому ли — уже после разоблачения преступлений Сталина и соучастников его черных дел, после первичной реабилитации невинно репрессированных, в шестидесятых-семидесятых годах и даже позднее стали возможны новые (хотя и не такие масштабные) аресты наших с вами соотечественников, осмелившихся мыслить не так, как им настойчиво предписывала властвующая КПСС. Та партия, нынешние апологеты которой по-прежнему стараются исказить безусловную историческую истину и отрицать давно раскрытые и неоспоримые факты. Жаждают что ли повторения произвола и нового измыательства над собственным многострадальным народом?

Евгения Фролова.